

УДК: 947.084.6 (571.6)

DOI: 10.24411/1026-8804-2018-10037

Реакция дальневосточного крестьянства на проведение коллективизации в начале 1930-х гг.

Александр Александрович Исаев,

кандидат исторических наук, доцент по специальности «Отечественная история», доцент Департамента истории и археологии Дальневосточного федерального университета, Владивосток.
E-mail: alex.hist@mail.ru

Активное всестороннее исследование коллективизации сельского хозяйства, в том числе на Дальнем Востоке СССР, началось в историографии только два десятилетия назад. При этом социально-психологический фактор, к которому относятся реакции крестьян на мероприятия властей, до сих пор не получил должного освещения в исторической литературе, посвящённой развитию Дальнего Востока в начале 1930-х гг. Реакция крестьянского населения была неоднозначной и зависела от различных политико-идеологических и социально-экономических аспектов жизни дальневосточной деревни. Цель статьи — рассмотреть и проанализировать высказывания дальневосточного крестьянства о политике коллективизации сельского хозяйства в начале 1930-х гг., содержащиеся в архивных документах, большая часть которых впервые вводится в научный оборот. Часть крестьянства, позитивно реагировавшая на действия государства, являлась той силой, на которую оно рассчитывало. Данная реакция была мотивирована, с одной стороны, ожиданиями, что будет построено социально справедливое общество с равными возможностями для всех граждан, с другой стороны — надеждой на значительную материальную поддержку от государства при создании и развитии коллективных хозяйств. Реакция одобрения у части крестьян была обусловлена ещё и тем, что в тяжёлых условиях ведения сельскохозяйственного производства в дальневосточном регионе коллективный труд был более продуктивен, особенно вследствие сокращения мужского населения в результате невозвращения с фронтов Первой мировой и Гражданской войн. Та часть крестьянства, которая по различным причинам не смогла (или не захотела) добиться улучшения своего социально-экономического положения, надеялась на ограничение влияния в деревне сельской буржуазии. В этой связи особенно важно выявить причины возникновения у крестьян тех или иных реакций, проанализировать их характер и смысловые

составляющие, так как они оказывали влияние на формирование оценочных суждений сельского населения дальневосточного региона относительно государственной политики.

Ключевые слова: Дальний Восток СССР, коллективизация, крестьяне, беднота, середняки, кулаки, колхоз.

The Reaction of the Far Eastern Peasantry to Collectivization in the Early 1930^s.

Alexandr Isaev, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

E-mail: alex.hist@mail.ru.

An active and comprehensive study of the collectivization of agriculture, including the Far East of the USSR, began in historiography only two decades ago. The socio-psychological factor, which involves the reaction of the peasants to the activities of the authorities, still has not received adequate coverage in the historical literature devoted to the development of the Far East in the early 1930^s. The reaction of the peasant population was ambiguous and depended on various political, ideological and socio-economic aspects of the life of the Far Eastern village. The purpose of the article is to review and analyze the statements of the Far Eastern peasantry on the policy of collectivization of agriculture in the early 1930^s. These statements are contained in archival documents and most of them have been introduced into scientific discourse for the first time. Part of the peasantry with positive reaction to the actions of the state was the force which the government counted for. On the one hand, this reaction was motivated by the expectations that a socially fair society with equal opportunities for all citizens would be built. On the other hand, there was a hope for significant material support from the state in the creation and development of collective farms. The approval of some peasants was also due to the fact that under difficult conditions of agricultural production in the Far East region collective labor was more productive, especially as a result of the reduction of the male population after non-return from the fronts of the First World War and the Civil War. That part of the peasantry which for various reasons could not (or did not want to) improve its socio-economic situation hoped to limit the influence of the rural bourgeoisie in the village. In this regard, it is especially important to identify the reasons of certain reactions among the peasants, to analyze the nature and semantic components since they influenced the formation of value judgments about the state policy among the rural population of the Far Eastern region.

Keywords: Far East of the USSR, collectivization, peasants, poor peasants, middle-class peasants, kulaks, collective farm.

Различные мероприятия, проводимые государством в отношении сельского населения, в крестьянской среде сопровождались особыми реакциями в форме настроений, высказываний, оценок. Последние могли быть позитивными, негативными или нейтральными (крайне редко). Изучение реакций крестьянства СССР на процесс коллективизации

заметно активизировалось в историографии лишь в последнее двадцатилетие. В советский период необходимость в подобных исследованиях отсутствовала, так как было общепринято, что создание коллективных хозяйств, проводимое под руководством партии и правительства, поддерживалось крестьянством, а все проблемы, связанные с данным процессом, являлись незначительными и носили временный характер. В таком ключе рассматривались и общесоюзные [4; 5; 6; 10; 23], и региональные (в том числе дальневосточные) аспекты осуществления коллективизации [8; 11; 28]. В постсоветский период, в связи с открытием архивных фондов, а также в связи с активизацией междисциплинарного подхода в исторической науке, началось активное исследование всех аспектов, связанных с коллективизацией, включая разнообразные реакции на неё. Как правило, основной упор делался на выявление общих политических, экономических, социальных и других принципов проведения коллективизации в СССР в начале 1930-х гг. [3; 7; 9; 24; 25]. Существенную помощь в изучении данных вопросов оказали опубликованные сборники документов и материалов советского партийно-политического руководства, а также специальных служб, в которых нашли отражение в том числе и реакции крестьян из различных регионов страны на мероприятия в области сельского хозяйства [18; 22]. В этот период исследователи обратили внимание на региональный аспект коллективизации, тем самым значительно расширив её проблематику [14; 15; 26]. Специфика проведения коллективизации в Дальневосточном регионе также получила значительное освещение в исторической литературе [12; 13; 16; 17; 20; 21; 27]. Однако социально-психологический фактор, к которому мы относим реакции крестьян, в работах, рассматривавших коллективизацию на Дальнем Востоке СССР в начале 1930-х гг., до сих пор не исследован в должной мере [2]. Исходя из этого, целью данной работы является анализ архивных материалов, посвящённых положительным реакциям крестьянства на процесс коллективизации в начале 1930-х гг., а также определение смыслового содержания этих реакций, оказавших влияние на формирование оценочных суждений крестьянства Дальнего Востока СССР.

Пришедшие к власти в России большевики не скрывали, что в процессе социалистических преобразований гегемоном должен стать рабочий класс, тогда как крестьянству отводилась второстепенная роль в обеспечении города всем необходимым. Партийно-политическое руководство страны понимало необходимость поддержки жителями сельской местности своих мероприятий, поскольку от этого зависела жизнеспособность самой власти, и вследствие этого делало ставку на сельскую бедноту. Ещё с начала установления советской власти ставка на бедноту была важной чертой большевистской политики в деревне, нацеленной на раскол и разжигание социального антагонизма. Именно

крестьянская беднота, по мнению властей, могла верой и правдой служить государству, поскольку надеялась получить от него средства к существованию за счёт изъятия материальных благ у сельской буржуазии (кулака). Власти рассчитывали чужими руками получить тотальный контроль над селом и ликвидировать наиболее одиозных противников социалистических преобразований.

На XV съезде ВКП(б) в декабре 1927 г. советское политическое руководство приняло резолюцию «О работе в деревне», которая, по сути, представляла план коллективизации сельского хозяйства. «В настоящий период, — говорил В.М. Молотов на XV съезде ВКП(б), — задача преобразования и объединения мелких индивидуальных хозяйств в крупное коллективное хозяйство должна быть поставлена в качестве основной задачи партии в деревне...» [1, с. 1268].

Первоначально планировалось вовлечь в процесс коллективизации основные сельскохозяйственные районы страны: Украину, Северный Кавказ, Поволжье, Центрально-Чернозёмный район, Сибирь, Урал, Казахстан. Дальний Восток был отнесён к так называемой «потребляющей полосе», в которой произведённая сельскохозяйственная продукция (зерновые культуры, овощи, фрукты, ягоды, молоко, мясо и т.д.) предназначалась только для собственного потребления, поскольку её количество не обеспечивало нужд населения в полном объёме и требовался дополнительный завоз сельскохозяйственной продукции из других регионов страны. В дальневосточном крае (далее — ДВК) планировалось осуществить коллективизацию за три-четыре года, однако уже в 1929 г. партийно-государственные органы СССР приняли решение о форсировании этого процесса. По мнению И.В. Сталина, изложенному на страницах газеты «Правда» от 7 ноября 1929 г. в статье «Год великого перелома», «крестьяне уже изменили своё отношение в пользу коллективных хозяйств, и задачей государства на данном этапе стало ускорение темпов коллективизации» [19].

То, что крестьяне (центральных регионов страны) по-другому стали относиться к коллективизации, показывает текст письма от 25 февраля 1930 г. В.А. Балицкого, председателя государственного политического управления (далее — ГПУ) Украины и одновременно наркома внутренних дел УССР. Письмо было адресовано председателю ВСНХ СССР и члену Политбюро ЦК ВКП(б) Г.К. Орджоникидзе и посвящено коллективизации и раскулачиванию на Украине: «...Ознакомление с настроениями основной прослойки села даёт возможность сделать следующие выводы. Бедняки и середняки, за исключением более зажиточной прослойки середняков, относятся к раскулачиванию и коллективизации положительно. Этот вывод я сделал не только на основе заявлений местных товарищей, сообщений ГПУ, но и личными впечатлениями из бесед с крестьянами» [РГАНИ. Ф. 3. Оп. 30. Д. 145. Л. 138].

На Дальнем Востоке мероприятия государства, направленные на социалистическое преобразование села, начались после окончания Гражданской войны, в 1922—1923 гг. Как и на всей территории РСФСР, а затем и СССР, коллективные хозяйства в сельской местности не имели должного распространения. Сложившийся ещё с дореволюционных времён порядок землепользования определялся, прежде всего, тем, что крестьяне предпочитали трудиться самостоятельно, рассчитывая преимущественно на свои силы. Благодаря отсутствию на Дальнем Востоке (как и в Сибири) крепостного права, крестьяне ехали сюда в поисках лучшей жизни, надеясь стать более зажиточными с помощью свободного труда. Вместе с тем природные условия региона были весьма суровы (он рассматривался и рассматривается до сих пор как территория рискованного земледелия), что в значительной мере предопределило особенности характера дальневосточного крестьянина, способствовало формированию у него стойкости и смелости. В отличие от европейской части страны, на Дальнем Востоке крестьяне обладали большими земельными наделами, хорошим породистым скотом и большим разнообразием инвентаря. Здесь высока была техническая оснащённость и значителен удельный вес наёмного труда. Но в то же время пригодных земель для выращивания зерновых культур было очень мало. Осознавая это, советское правительство отнесло ДВК к последней категории проведения коллективизации.

Создание коллективных хозяйств самими крестьянами (добровольно и без административного нажима) являлось в том числе вынужденной мерой с целью экономического развития и повышения производительности труда. Этому в немалой степени способствовала, кроме тяжёлых природно-климатических условий, малочисленность мужского населения трудоспособного возраста, возникшая вследствие механического сокращения, вызванного Первой мировой и Гражданской войнами. Среди сторонников создания коллективных хозяйств были и те, кто рассчитывал на материально-техническую и финансовую помощь государства. Естественно, что все эти люди желали улучшить прибыльность своих хозяйств путём кооперативного объединения. «Нас во что бы то ни стало надо организовать в нашем селе в товарищество из бедняков и середняков. Надо работать коллективом, а то поодиночке ничего не выходит», — говорил середняк Танжаев из с. Белюн Читинского округа. «Сейчас партия и Соввласть всемерно поддерживают организацию колхозов и коммун, нам надо этим пользоваться и всем селом войти в колхоз, тогда кулаки не будут нас больше эксплуатировать», — говорил середняк Филатов из с. Малино Сретенского округа. Беднота села Цурухайтуй Читинского округа накануне праздника — Дня октябрьской революции — выступала со словами: «Нужно сейчас же немедленно организовать коммуны. Довольно

ходить на поклон к кулаку. В честь 12-й годовщины Октябрьской революции давайте организуем коммуну и назовём её „Победой“» [ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 237. Л. 2].

Желание крестьян вступить в колхоз (иногда массовое) во многих случаях не поддерживалось и не направлялось в определённое русло советскими и партийными организациями, а имело самостоятельное, стихийное формирование. Так, в с. Бронниково Олинского района Сретенского округа ДВК председатель сельского совета, кандидат ВКП(б) на просьбу бедноты и середняков поставить на обсуждение вопрос о коллективизации села отказался сделать это, мотивируя свой отказ тем, что не имеет на этот счёт директив райисполкома. В с. Болка, Онохой, Усть-Уров, Золотоноша Нерчинского округа в связи с проводимой сплошной коллективизацией наблюдалась нерешительность руководства сельских советов, которая проявлялась в бездействии и самоотстранении от участия в кампании. В с. Корсаковка Амурско-Зейского района Амурского округа имелось два колхоза, которым было отказано в слиянии по причине незаинтересованности руководства со стороны РИКа и партийной организации [ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 237. Л. 169—170].

В начале коллективизации бедняцко-середняцкая масса крестьянства всех округов ДВК, как зафиксировано в материалах полномочного представителя Объединённого государственного политического управления (ОГПУ), в основном одобрительно относилась к политике партии в деревне. В этом убеждали факты быстрого роста колхозов и их значительный удельный вес в сельском хозяйстве. Так, в Хабаровском округе в 1928 г. было 80 колхозов с 2067 членами, а к концу 1929 г. уже 202 с численностью 4000 членов. По Владивостокскому округу на 1 января 1929 г. во всех колхозах было 6296 человек, а к концу 1929 г. уже 26 274 человека [ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 237. Л. 1], причём это происходило ещё до того, как ДВК был включён в перечень территорий сплошной коллективизации. На начало 1930 г. планом по ДВК было предусмотрено организовать 740 колхозов, из них 13 крупных. По данным Дальневосточного колхозного союза на 20 февраля 1930 г., было организовано 1450 колхозов, из них 42 крупных [ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 237. Л. 169].

Уже к концу 1929 г. в процесс коллективизации втягивались целые сёла и даже районы, как, например, Малетинский и Оловянинский, которые первоначально намеревались провести частичную коллективизацию, а в результате перешли на сплошную. По ряду районов — Борзинскому, Оловянинскому, Быркинскому и Малетинскому — колхозное строительство превысило планы, намеченные к началу 1930 г. Положительное отношение к коллективизации наблюдалось в Амурском (Ивановский, Александровский, Завитинский районы) и Сретенском (Олинский и Сретенский районы) округах. Так, в с. Нагорном

Посьетского района был организован колхоз «Коллектив», в состав которого вошли 90% жителей села, большинство — из бедняков и середняков [ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 237. Л. 1—2].

Одобрение линии партии со стороны большинства бедняков свидетельствовало о желании данной части крестьянства покончить с сельской буржуазией (кулаками) и за их счёт улучшить своё экономическое положение. Однако сельская беднота в конце 1920-х гг. ещё не решалась открыто высказывать данное мнение на сельских собраниях и сходах. Только в частных беседах бедные крестьяне, испытывая зависть к успешным сельским производителям, порой заявляли о ненависти к ним. Так, на собрании села Кургатай Читинского округа беднота единогласно заявляла: «Сейчас бедноте нужно организовать коллективные хозяйства. Кулаков и зажиточных гнать вон из села». «Нам сейчас необходимо работать сообща, только таким порядком мы сумеем справиться с кулаками и этим поддержать линию партии и Советской власти», — такие слова были в выступлении бедняка Кожихина в с. Казанка Хабаровского округа. «Теперь беднота и батраки вздохнут свободно, так как партия и Соввласть всерьёз принимаются бить кулака. Нам теперь надо организовываться в коммуны и колхозы», — говорил бедняк Шевченко из с. Попова-Гора Владивостокского округа [ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 237. Л. 3].

Однако в 1927—1929 гг. экономически сильной частью дальневосточного села линия партии воспринималась как «нажим на всё крестьянство, желание задавить его самостоятельность». Весной 1927 г. на втором краевом съезде Советов некоторые представители крестьянства отмечали, что власть не желает больше прислушиваться к деревне. Так, крестьянин Квокша, представлявший Шкотовский район Приморской области, сказал: «Вы, товарищи, сами видели, что нас теснят на съездах, не дают высказываться и на местах, что сейчас стало хуже жить, чем было даже при царизме» [21, с. 70].

Критикуя государственную политику в отношении деревни, крестьяне понимали, что с государством бороться бесполезно, и это заставляло часть из них подчиняться действиям властей. Вступление в колхозы в конце 1920-х гг. нередко мотивировалось осознанием бесперспективности ведения самостоятельного хозяйства в складывающихся экономических и политических условиях. К примеру, красноармейцы-бедняки 2-й Приамурской стрелковой дивизии в 1929 г. так объясняли своё решение вступить в коммуну: «Иначе жить нельзя стало, очень большие налоги берут, только и работаешь на государство, а себе ничего не остаётся» [21, с. 71].

Осуществляя активную политико-идеологическую разъяснительную работу по приобщению деревенской массы к общему принципу развития социализма на селе, властные структуры демонстрировали

выгоду для тех, кто вступает в коллективные хозяйства. Всех, кто тайно или явно противодействовал процессу коллективизации, власть относил к элементам, враждебным государству и трудящимся. Пропаганда данной позиции в крестьянской среде способствовала выработке ненависти к тем, кто не желает счастливого развития для страны в целом, и приводила к изменению отношения некоторой части крестьян к односельчанам. Тем самым был сделан первый шаг, способствовавший возникновению новой волны классовой борьбы в деревне. «Мы сейчас живём хорошо: необходимо входить в коммуну, так как только через неё можно добиться ещё лучшей жизни. Кулакам, конечно, никакой пощады быть не может, как нашим классовым врагам», — цитата из выступления середняка Лисичкина в с. Шилка Читинского округа. «Колхозы и совхозы — дело очень хорошее. Благодаря колхозам мы выйдем из крестьянской нищеты. Одно плохо, что придётся вести сильную борьбу с кулаками и зажиточными», — говорил в кругу односельчан середняк Николаев из с. Могилёвка Хабаровского округа. «Нам нужно коллективизироваться и этим помогать Соввласти, а с кулаками вести беспощадную борьбу», — высказывался середняк Бабич из с. Ново-Георгиевка Амурского округа. «Нам, крестьянам, всем надо записаться в колхоз, надо быть сознательными, не слушаться кулацких ухищрений и поддерживать Соввласть надо всячески», — слова из выступления середняка Василькова на собрании в с. Анучино Владивостокского округа [ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 237. Л. 2]. Среди сельской бедноты ДВК отношение к кулакам в период «раскулачивания» села выражалось словами: «Так им, кулакам, и надо. Хоть бы поскорей приговор утвердили, тогда можно бы за счёт кулацкого овса зелёнки посеять» [20, с. 124].

Значительная часть дальневосточного крестьянства верила обещаниям власти улучшить материально-техническое и финансовое положение при вступлении в колхоз. Надежда на лучшую жизнь не покидала крестьян. Вместе с тем вступление в коллективное хозяйство рассматривалось некоторыми крестьянами (бедняками и середняками) как возможность взять верх над буржуазными слоями села, избавиться от них как от главного тормоза развития социализма. Так, в специальной сводке № 4 ОГПУ по ДВК от 3 марта 1930 г. отмечалось, что большинство из середняков Амурского округа положительно относились к коллективизации. «Нам надо обязательно коллективизироваться, вступить всем селом в колхоз. Раз мы строим социализм — не может быть индивидуальных хозяйств», — высказывался крестьянин с. Великокняженка Александровского района [ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 237. Л. 165]. «Наше хозяйство в дальнейшем должно развиваться по социалистическому пути, мы должны сплотиться в одну семью. Как раньше боролись за Советскую власть, так будем и теперь бороться за линию партии и власти», — говорил середняк Базыльников

из с. Верхний Хутор Читинского округа. «Мы теперь обеспечены поддержкой Советской власти и партии и будем резко поступать в отношении кулаков и зажиточных, чтобы они не мешали строить наше советское хозяйство», — высказывался бедняк Кравченко в д. Новицкое Владивостокского округа. Бедняки и середняки с. Бурулятуй Читинского округа во время проведения собрания заявляли: «Мы, беднота и середняки, приветствуем коллективизацию сельского хозяйства, а потому все вступаем в колхозы. Если кулаки будут нам мешать, то мы с ними расправимся по-своему». «...На общем собрании села Сретенка Хабаровского округа присутствовало много женщин, которые активно выступали против коллективизации. В результате этого на собрании села завязалась ссора с мужчинами, среди которых были и их мужья. Около 20 женщин во время и после собрания были избиты своими мужьями за отказ признать действительность колхозной системы» [ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 237. Л. 8—9].

Активная работа по коллективизации дальневосточной деревни осуществлялась при участии бывших красных партизан. Их отношение к коллективизации во многом зависело от их принадлежности к той или иной социальной прослойке села. В ряде поселений Сучанского района Владивостокского округа партизаны из бедняков являлись организаторами колхозов. Причём порой эта работа проходила стихийно, без должной организации и руководства со стороны партийных и советских органов власти. В Читинском округе бывшие красные партизаны с. Хила и с. Самсоново, выступая за коллективизацию, требовали от общих собраний немедленной расправы с кулаками [ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 237. Л. 3]. «Довольно, ребята, жить порознь. Надо объединяться в коллективы, только через них мы можем поправиться и жить по-человечески... Правильно, больше ничего нам не остаётся делать, как туда идти, куда говорит нам Соввласть. Коллектив дело хорошее, без коллектива трудно жить сейчас», — высказывались бедняки из бывших партизан с. Ново-Никольское Свободненского района. «Так и надо кулакам-мироодам, вон ГПУ замело у нас кулаков, и работа двинулась, и жить стало веселее. Когда мы ходили по тайге, они нас при всяких удобных случаях выдавали японцам», — говорили крестьяне с. Покровка Тыгдинского района и с. Джалинда Рухловского района.

Вместе с тем имело место проявление сомнений в необходимости коллективизации, которое исходило от крестьян, экономически тесно связанных с кулаками: «Наверное, власть что-то чует недоброе — кулаков ликвидируют, а нас загоняют в коллектив. Как бы там хуже не было, а ведь мы около кулаков кормимся» [ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 237. Л. 167—168]. Подобная реакция становилась следствием сомнений и опасений представителей крестьянства в необходимости и правильности проводимых властью мероприятий. Первый опыт создания

«сверху» коллективных хозяйств не имел большого успеха и поддержки крестьянской массы, что в значительной мере влияло на распространение сомнений среди крестьян. «Трудно организовать коммуны сверху, нужно чтобы крестьяне сами проявили инициативу в организации коллективов», — говорили крестьяне хутора Ново-Братка Михайловского района. В Хабаровском округе выступления середняков носили пессимистический характер. В с. Бикин Ленинского района крестьяне-середняки говорили: «Все эти артели работают не больше года, а потом распадаются, потому что одни работают, а другие лентяйничают». «Коммуна, кроме долгов, ничего не даст. Прежде чем идти в коммуны, надо подумать». В с. Зарубинское Ленинского района крестьяне заявляли уполномоченным по коллективизации: «Нас зовёте вступить в колхоз, а вот, например, посмотрите на село Оренбургское, а там весь хлеб не убрали и разъехались. Как бы с нами того же не было». Некоторые середняки особенно опасались склок и раздоров в организуемых колхозах: «Колхозы организовать — пустое дело, а вдруг не сработаемся и к осени придётся расходиться. Начнём работу, будут постоянные разговоры и ругань. Мы ещё не воспитаны работать сообща» [ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 237. Л. 165—166].

Экономически состоятельные крестьянские слои деревни, помимо различных антиколхозных высказываний и выступлений с критикой политики властей, находили различные способы, чтобы приспособиться к постепенно меняющимся жизненным условиям. Это проявлялось в массовой распродаже скота и инвентаря перед вступлением в колхозы и коммуны. Часть зажиточных крестьян стремилась организовать свои собственные колхозы, а также, пользуясь стихийным развёртыванием коллективизации, проникнуть в некоторые уже организованные колхозы. В Читинском округе, в с. Усть-Озёрном, группа кулаков, намереваясь создать своё коллективное хозяйство, устраивала нелегальные собрания, на которых обсуждалась бесперспективность сопротивления государственной политике. «Пятилетний план поглотит наши капиталы. Он нас вынуждает идти в коммуны. Политика Соввласти так построена, что нам приходится или ликвидировать своё хозяйство, или искать другие пути для сохранения своего капитала. Уж если идти в коммуны, то в такую, которая была бы нашей. Нам нужно организовать свою показательную коммуны, крепкую, куда войдут только зажиточные. Организуя коммуны, не дадим государству своего капитала» [ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 237. Л. 5]. Во Владивостокском округе, в с. Дубовском, у кулака Цветкова было проведено собрание кулаков с небольшой частью бедноты из числа так называемых подкулачников, на котором было принято решение организовать колхоз. Этот колхоз намеревался переехать в Черноморье; были выбраны делегаты для отправки в данный регион, чтобы искать подходящую территорию.

В с. Успеновка Шмаковского района Приморской области некоторые зажиточные крестьяне приняли решение коллективизироваться и подали районному уполномоченному заявление следующего содержания: «Настоящим заявлением доводим до сведения уполномоченного ГПУ, что мы, находящиеся под арестом, в количестве 9 человек, обсудив вопрос из доклада представителя уполномоченного по коллективизации от округа, бывшего у нас на селе, о коллективизации, решили устроить на селе образцовый коллектив добровольным порядком, с приглашением других граждан из своего села, о чём и просим вышеизложенное наше заявление удовлетворить» [ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 237. Л. 5]. В п. Соловьёвка Читинского округа кулацкая и зажиточная часть жителей активно выступала со словами: «В противовес бедняцким коммунам и колхозам мы должны создать свои колхозы и коммуны. Мы Соввласть будем бить тем же, чем бьёт она нас» [ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 237. Л. 8].

Эти и другие факты весьма показательны как результат активности зажиточной части крестьянства, которая пыталась не только закрепиться в колхозах, но и возглавить их с целью сохранения своей собственности. С другой стороны, это демонстрировало недостаточное внимание к организации колхозного процесса со стороны низового советского партийного аппарата. Самоотстранение местных властей от колхозных мероприятий государственной важности приводило к абсурдным ситуациям. Так, в с. Чиндак Оловяннинского района Читинского округа первым, кто поддержал колхозное строительство, стал поп Григорий. Именно он, а не партийный актив села сыграл главную роль при проведении коллективизации. Он заявил о необходимости всем крестьянам вступать в коммуну во время проповеди в церкви. Сам снял с себя сан священника и подал заявление о вступлении в коммуну. В этом же округе в с. Кургатай местный мулла Наснимов агитировал своих верующих вступать в коммуну и на собрании бедноты заявил, что снимает с себя сан, вступает в колхоз, а мечеть отдаёт на разрешение собрания, чтобы открыть школу. В Хабаровском округе, в колхозе «Верный путь», партийно-комсомольский актив устранился от руководства, и оно оказалось в руках бывшего кулака-спекулянта. Во Владивостокском округе до февраля 1930 г. насчитывалось несколько лжеколхозов, организованных кулаками. Путём подлога и махинаций эти колхозы получили от кредитки (кредитных учреждений) большие денежные ссуды. Так, Ачинская кредитка выдала лжеколхозам ссуд на 10 843 руб. Большинство лжеколхозов были ликвидированы в короткий срок [ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 237. Л. 7].

Отрицательные реакции части зажиточных крестьян вызывали недовольство сторонников коллективизации, среди которых были представители всех прослоек крестьян. Они в своих выступлениях требовали

у партийно-политического и хозяйственного руководства выселить кулаков, которые, по их мнению, мешают построить социализм на селе. «Хоть бы скорее выселили это кулачье, а то баламутят наших баб и они ни под каким видом туда не идут, рёвом ревут. Не знаю, что так плохо власть смотрит», — говорил середняк Ф.Н. Нагайко из с. Фёдоровка Завитинского района Амурского округа. «Разорить этих кулаков и гнать отсюда, хорошего от них не жди. Всегда носят за пазухой нож. Нужно организовать коммуну, а их выгнать», — говорил середняк Ховренко из с. Антоновка Завитинского района Амурского округа. «Сейчас мы организовываем коммуну, а зажиточные и кулаки агитируют среди женщин, чтобы не вступали. Свою жену я пробовал переубедить — не помогло. Пришлось избить. Кулаков отсюда совсем выселить надо», — выступал крестьянин с. Камышёвка Завитинского района Амурского округа [ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 242. Л. 114; Л. 116].

Настроения бедноты, проявлявшиеся в выступлениях и влиявшие на формирование её поведения по Амурскому и Хабаровскому округам ДВК, были аналогичны высказываниям середняков, которые выражали в основном поддержку государственной политики. «Нам надо всем стараться во что бы то ни стало организовать колхоз. Давайте, товарищи, записываться <...> задача бедноты — идти вперёд при коллективизации», — говорили представители беднейших крестьян на собрании в с. Черниговка Хингано-Архаринского района Амурского округа. «Дураки наши крестьяне, что они раньше не пошли в коллектив. В коллективе гораздо лучше живут. Я понял, что наше правительство о нас крепко заботится. Ну, на кулаков, верно, нажимают. Им не надо давать пощады. Довольно — всю кровь высосали из бедняков... (нецензурно)», — слова из выступления бедняка на собрании в с. Михайловка Михайловского района Амурского округа. В с. Гончаровка Калининского района Хабаровского округа на общем собрании бедняки в выступлениях заявляли: «Колхоз нужен, но как бы это не было кабалой для крестьян». На собрании крестьян этого же села 21 февраля 1930 г. было принято постановление: «100% коллективизация и наступление на кулака обострили классовую борьбу в селении. Притаившиеся кулаки изменили свою форму борьбы. <...> Кулаки через водку добиваются дружбы бедняка, спаивают, разлагают, науськивают. <...> Имеются опасения всевозможных угроз (поджога, террора), а потому требовать от руководящих органов немедленно принять меры к ликвидации кулака, как класса, конфискации имущества и выселению их за пределы нашего округа. Колхозу принять меры к охране имущества через выставленные караулы...» [ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 237. Л. 166—167].

Экономически слабая часть крестьянства Дальнего Востока, как правило, шла в авангарде колхозного движения. Проведение весенней посевной кампании, увязывавшейся с колхозным строительством, находило

у них полную поддержку. Беднота, воодушевлённая широкими государственными преобразованиями, являлась основным организатором как при проведении посевной кампании (в частности, сбора семфондов), так и при создании коллективов. Например, во Владивостокском округе колхоз «Заря Востока» был составлен из 76 бедняцких дворов и 30 середняцких. В с. Янчиха Посъетского района того же округа во вновь организованный колхоз вошло 19 бедняцких и два середняцких хозяйства. «Мы теперь обеспечены поддержкой Соввласти и партии и будем резко поступать в отношении кулаков и зажиточных, чтобы они не мешали строить наше советское хозяйство», — говорил бедняк Кравченко, житель д. Бурулятуй Читинского округа. «Мы, беднота, приветствуем коллективизацию сельского хозяйства, а потому все вступаем в колхозы», — заявляли бедняки этого же села [ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 242. Л. 90].

Уверенность в правильности и необходимости продолжения коллективизации сельского хозяйства со стороны экономически слабой прослойки крестьянства Дальнего Востока являлась следствием ожидания обещанной властью экономической поддержки, направленной на будущее процветание села, и надеждой на повышение производительности труда и избавление от противников данного процесса. Среди сторонников коллективизации порой наблюдались сомнения и неуверенность в целесообразности её проведения в настоящее время. Различные проблемы, связанные с ходом коллективизации, они считали временными и в своём большинстве были уверены, что эти сложности действительно создаются врагами, которые препятствуют развитию села. К последним относили сельскую буржуазию, называемую в народе кулаками. Они, стремясь сохранить свою собственность, противостояли колхозному движению. В то же время ряд представителей этого слоя стремился приспособиться к социально-экономическим и политическим изменениям через организацию собственных «кулацких» колхозов либо путём ликвидации своей собственности и вхождения в колхоз в качестве бедняка или середняка.

Крестьянский мир не был единым. На протяжении столетий экономический фактор являлся ключевым при формировании определённой реакции (позиции) на любые социальные, экономические и политические мероприятия и события в стране и за её пределами. Подобное было свойственно и для процесса коллективизации сельского хозяйства в начале 1930-х гг. Независимо от того, к какой прослойке крестьянства принадлежал человек, он стремился получить выгоду от происходивших в деревне изменений, приспособившись к ним. Если сельские батраки, бедняки и некоторые середняки надеялись на помощь властей, то значительная часть середняков и кулаков рассчитывала на свои силы и имеющийся опыт противодействия государственным мероприятиям. Наиболее ярко данные настроения прослеживались в высказываниях крестьян.

Партийно-политическое руководство страны отслеживало реакции крестьянства, поскольку данная информация способствовала количественному и качественному определению сторонников и противников власти и её решений. Знание подлинного эмоционально-психологического состояния крестьянского мира помогало властным структурам в разработке и проведении мероприятий, затрагивающих сельское население. В этой связи власть рассчитывала на ту часть населения, которая поддерживала её на местах. Именно она нуждалась в государственной помощи, а также ждала от руководства страны выполнения обещания построить социалистическое общество. Вместе с тем сторонники государственной политики становились основной движущей силой коллективизации и исполнителями воли партии и правительства на местах; без них власть не могла бы решиться на социально-экономические изменения крестьянского мира страны.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. XV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчёт. М.; Л.: ГИЗ, 1928. 1416 с.
2. Астанина Е.А. Отношение дальневосточного крестьянства к политике коллективизации (начало 1930-х гг.) // Региональные проблемы. 2011. Т. 14. № 2. С. 117—122.
3. Безнин М.А., Димонин Т.М. Аграрный строй России в 1930—1980-х годах (новый подход) // Вопросы истории. 2005. № 7. С. 23—44.
4. Данилов В.П. Аграрные реформы и аграрные революции в России // Россия в XX веке: Реформы и революции. В 2 т. Т. 1. М.: Наука, 2002. С. 20—37.
5. Данилов В.П. Коллективизация сельского хозяйства в СССР // История СССР. 1990. № 5. С. 7—30.
6. Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М.: Наука, 1977. 319 с.
7. Зеленин И.Е. Сталинская «Революция сверху» после «великого перелома». 1930—1939: политика, осуществление, результаты. М.: Наука, 2006. 315 с.
8. Из истории коллективизации сельского хозяйства Дальнего Востока (1927—1937 гг.): документы и материалы / сост. Е.Н. Елизарова. Хабаровск: Книжное изд-во, 1979. 240 с.
9. Ильиных В.А. Коллективизация деревни: проекты и реальность // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 4. С. 27—33.
10. История советского крестьянства: в 5 т. Т. 2. Советское крестьянство в период социалистической реконструкции народного хозяйства: конец 1927—1937 / отв. ред. И.Е. Зеленин. М.: Наука, 1986. 458 с.
11. Калинина В.Н. Деятельность дальневосточной краевой партийной организации по коллективизации сельского хозяйства и укреплению колхозного строя // КПСС — организатор претворения в жизнь ленинских идей коммунистического строительства на Дальнем Востоке. Владивосток, 1971. С. 181—186.
12. Крестьянство Дальнего Востока СССР. XIX—XX вв.: очерки истории / под ред. акад. А.И. Крушанова. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1991. 416 с.
13. Лыкова Е.А., Проскурина Л.И. Деревня Дальнего Востока в 20—30-е гг. XX века: Коллективизация и её последствия. Владивосток: Дальнаука, 2004. 188 с.

14. Надькин Т.Д. Коллективизация сельского хозяйства национальных регионов России: замыслы и реальность (на примере Мордовии) // Центр и периферия. 2013. № 1. С. 50—57.
15. Некрасова И.И. Коллективизация в сельском хозяйстве Ставропольского края (конец 20-х — начало 30-х гг.): оценки и выводы: дис. ... канд. ист. наук. Пятигорск, 2004. 194 с.
16. Проскурина Л.И. Деревня российского Дальнего Востока в 30-е гг. XX в. // Россия и АТР. 2006. № 4. С. 16—23.
17. Проскурина Л.И. Октябрьская революция и её влияние на деревню российского Дальнего Востока. Коллективизация и её последствия // Россия и АТР. 2008. № 3. С. 22—30.
18. Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД. 1918—1939. Документы и материалы. В 4-х т. / под ред. А. Береловича, В. Данилова. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). Т. 2. 1923—1929. 2000. 1168 с.; Т. 3. 1930—1934: в 2-х кн. Кн. 1. 1930—1931. 2003. 864 с.; Кн. 2. 1932—1934. 2005. 840 с.
19. Сталин И.В. Год великого перелома // Правда. 1929. № 259. 7 ноября. С. 1—3.
20. Стасюкевич С.М. Власть и дальневосточное крестьянство в условиях хлебозаготовительного кризиса 1927/28 г. // Социум и власть. 2012. № 1 (33). С. 122—126.
21. Стасюкевич С.М. Политика и экономика в общественном сознании дальневосточного крестьянства 1920-х годов // Вестник ДВО РАН. 2008. № 5. С. 64—71.
22. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927—1939: Документы и материалы. В 5 т. / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). Т. 1. Май 1927 — ноябрь 1929. 1999. 880 с.; Т. 2. Ноябрь 1929 — декабрь 1930. 2000. 927 с.; Т. 3. Конец 1930—1933. 2001. 1008 с.
23. Трапезников С.П. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос: в 2 т. Т. 2. Исторический опыт КПСС в осуществлении ленинского кооперативного плана. М.: Мысль, 1983. 591 с.
24. Фёдорова М.И. Крестьянское сопротивление государственным реформам — опыт XX века // Омский научный вестник. 2015. № 1 (135). С. 21—24.
25. Фицпатрик Ш. Сталинические крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. 422 с.
26. Чемоданов И.В. Сельское хозяйство Вятского региона в первые годы массовой коллективизации (1929—1934 гг.) // Вестник Вятского государственного университета. 2016. № 6. С. 55—69.
27. Шестак О.И. Социально-экономические и политические процессы в развитии дальневосточной деревни в 1922 — конце 1930-х годов // Территория новых возможностей. Вестник ВГУЭС. 2015. № 3 (30). С. 92—119.
28. Шишко Н.П. Борьба дальневосточной краевой партийной организации за победу линии партии на сплошную коллективизацию и укрепление колхозного строя (1929—1934 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1965. 381 с.
29. РГАНИ (Российский гос. арх. новейшей истории).
30. ГАХК (Гос. арх. Хабаровского края).

REFERENCES

1. XV s'ezd Vsesojuznoj kommunisticheskoj partii (b). Stenograficheskiy otchet [The 15th Congress of the All-Union Communist Party (b). Verbatim Record]. Moscow, Lenin-grad, GIZ Publ., 1928, 1416 p. (In Russ.)
2. Astanina E.A. Otnoshenie dal'nevostochnogo krest'janstva k politike kollektivizacii (nachalo 1930-h gg.) [The Attitude of the Far Eastern Peasants toward the Policy of

- Collectivization (the Beginning of the 1930^s). *Regional'nye problemy*, 2011, vol. 14, no. 2, pp. 117—122. (In Russ.)
3. Beznin M.A., Dimonin T.M. Agrarnyj stroj Rossii v 1930—1980-h godah (novyj podhod) [The Agrarian System of Russia in the 1930^s—1980^s (a New Approach)]. *Voprosy istorii*, 2005, no. 7, pp. 23—44. (In Russ.)
  4. Danilov V.P. Agrarnye reformy i agrarnye revoljucii v Rossii [Agrarian Reforms and Agrarian Revolutions in Russia]. *Rossija v XX veke: Reformy i revoljucii* [Russia in the 20th Century: Reforms and Revolutions]. In 2 vol., vol. 1. Moscow, Nauka Publ., 2002, pp. 20—37. (In Russ.)
  5. Danilov V.P. Kollektivizacija sel'skogo hozjajstva v SSSR [Collectivization of Agriculture in the USSR]. *Istorija SSSR*, 1990, no. 5, pp. 7—30. (In Russ.)
  6. Danilov V.P. *Sovetskaja dokolhoznojaja derevnja: naselenie, zemlepol'zovanie, hozjajstvo* [Soviet Rural Village: Population, Land Use, Economy]. Moscow, Nauka Publ., 1977, 319 p. (In Russ.)
  7. Zelenin I.E. *Stalinskaja "Revoljucija sverhu" posle "velikogo pereloma". 1930—1939: politika, osushhestvlenie, rezul'taty* [Stalin's "Revolution from above" after the "Great Turn". 1930—1939: Politics, Implementation, Results]. Moscow, Nauka Publ., 2006, 315 p. (In Russ.)
  8. *Iz istorii kollektivizacii sel'skogo hozjajstva Dal'nego Vostoka (1927—1937 gg.): dokumenty i materialy* [From the History of the Collectivization of Agriculture in the Far East (1927—1937): Documents and Materials]. By E.N. Elizarova. Khabarovsk, Knizhnoe izd-vo Publ., 1979, 240 p. (In Russ.)
  9. Il'inyh V.A. Kollektivizacija derevni: proekty i real'nost' [Collectivization of the Village: Projects and Reality]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 2013, no. 4, pp. 27—33. (In Russ.)
  10. *Istorija sovetskogo krest'janstva: v 5 t. T. 2. Sovetskoe krest'janstvo v period socialisticheskoj rekonstrukcii narodnogo hozjajstva: konec 1927—1937* [History of the Soviet Peasantry: in 5 vols. Vol. 2. Soviet Peasantry in the Period of Socialist Reconstruction of the National Economy: The End of 1927—1937]. Ed. by I.E. Zelenin. Moscow, Nauka Publ., 1986, 458 p. (In Russ.)
  11. Kalinina V.N. Dejatel'nost' dal'nevostochnoj kraevoj partijnoj organizacii po kollektivizacii sel'skogo hozjajstva i ukrepleniju kolhoznoho stroja [The Activities of the Far Eastern Party Organization for the Collectivization of Agriculture and the Strengthening of the Collective Farm System]. *KPSS — organizator pretvorenija v zhizn' leninskih idej kommunisticheskogo stroitel'stva na Dal'nem Vostoke* [CPSU — the Organizer of Implementation of Leninist Ideas of Construction of Communism in the Far East]. Vladivostok, 1971, pp. 181—186. (In Russ.)
  12. *Krest'janstvo Dal'nego Vostoka SSSR. XIX—XX vv.: ocherki istorii* [The Peasantry of the Far East of the USSR. 19th — 20th Centuries: Essays of History]. Ed. by Academician A.I. Krushanov. Vladivostok, Izd-vo Dal'nevost. un-ta Publ., 1991, 416 p. (In Russ.)
  13. Lykova E.A., Proskurina L.I. *Derevnja Dal'nego Vostoka v 20—30-e gg. XX veka: Kollektivizacija i ee posledstvija* [The Village of the Far East in the 1920 — 1930^s of the 20th Century: Collectivization and Its Consequences]. Vladivostok, Dal'nauka Publ., 2004, 188 p. (In Russ.)
  14. Nad'kin T.D. Kollektivizacija sel'skogo hozjajstva nacional'nyh regionov Rossii: zamyslы i real'nost' (na primere Mordovii) [Collectivization of Agriculture in National Regions of Russia: Ideas and Reality (a Case Study of Mordovia)]. *Centr i periferija*, 2013, no. 1, pp. 50—57. (In Russ.)
  15. Nekrasova I.I. *Kollektivizacija v sel'skom hozjajstve Stavropol'skogo kraja (konec 20-h — nachalo 30-h gg.): ocenki i vyvody*. Dis. kand. ist. nauk [Collectivization in Agriculture of the Stavropol Territory (Late 1920^s — Early 1930^s): Assessments and Conclusions. PhD in History]. Pjatigorsk, 2004, 194 p. (In Russ.)

16. Proskurina L.I. Derevnja rossijskogo Dal'nego Vostoka v 30-e gg. XX v. [The Village of the Russian Far East in the 1930^s of the 20th Century]. *Rossija i ATR*, 2006, no. 4, pp. 16—23. (In Russ.)
17. Proskurina L.I. Oktjabr'skaja revoljucija i ejo vlijanie na derevnju rossijskogo Dal'nego Vostoka. Kollektivizacija i ejo posledstvija [The October Revolution and Its Influence on the Village of the Russian Far East. Collectivization and Its Consequences]. *Rossija i ATR*, 2008, no. 3, pp. 22—30. (In Russ.)
18. *Sovetskaja derevnja glazami VChK — OGPU — NKVD. 1918—1939. Dokumenty i materialy* [The Soviet Village from the Viewpoint of VChK—OGPU—NKVD. 1918—1939. Documents and Materials]. In 4 vol. Ed. by A. Berelovich, V. Danilov. Moscow, Rossijskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPeN) Publ. Vol. 2. 1923—1929, 2000, 1168 p.; vol. 3. 1930—1934: in 2 books, book 1, 1930—1931, 2003, 864 p.; book 2, 1932—1934, 2005, 840 p. (In Russ.)
19. Stalin I.V. God velikogo pereloma [The Year of the Great Turn]. *Pravda*, 1929, November 7, no. 259, pp. 1—3. (In Russ.)
20. Stasjuevich S.M. Vlast' i dal'nevostochnoe krest'janstvo v uslovijah hlebozagotovitel'nogo krizisa 1927/28 g. [The Government and the Far Eastern Peasants in the Context of the Grain Crisis of 1927/1928]. *Socium i vlast'*, 2012, no. 1 (33), pp. 122—126. (In Russ.)
21. Stasjuevich S.M. Politika i jekonomika v obshhestvennom soznanii dal'nevostochnogo krest'janstva 1920-h godov [Politics and Economics in the Public Perception of the Far Eastern Peasants in the 1920^s]. *Vestnik DVO RAN*, 2008, no. 5, pp. 64—71. (In Russ.)
22. *Tragediya sovetskoj derevni. Kollektivizatsiya i raskulachivaniye. 1927—1939. Dokumenty i materialy* [The Tragedy of the Russian Village. Collectivization and Dekulakization. 1927—1939: Documents and Materials]. In 5 volumes. Ed. by V.P. Danilov, R. Manning, L. Viola. Moscow, Rossijskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPeN) Publ., vol. 1. 1999, 880 p.; vol. 2. 2000, 927 p.; vol. 3. 2001, 1008 p. (In Russ.)
23. Trapeznikov S.P. *Leninizm i agrarno-krest'janskij vopros: v 2 t. T. 2. Istoricheskij opyt KPSS v osushhestvlenii leninskogo kooperativnogo plana* [Leninism and the Agrarian and Peasant Question. In 2 vol. Vol. 2. Historical Experience of the CPSU in the Implementation of the Leninist Cooperative Plan]. Moscow, Mysl' Publ., 1983, 591 p. (In Russ.)
24. Fjodorova M.I. Krest'janskoe soprotivlenie gosudarstvennym reformam — opyt XX veka [Peasant Resistance to State Reforms — the Experience of the 20th Century]. *Omskij nauchnyj vestnik*, 2015, no. 1 (135), pp. 21—24. (In Russ.)
25. Ficpatrik Sh. *Stalinskie krest'jane. Social'naja istorija Sovetskoj Rossii v 30-e gody: derevnja* [Stalin's Peasants. The Social History of Soviet Russia in the 1930^s: A Village]. Moscow, Rossijskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPeN) Publ., 2001, 422 p. (In Russ.)
26. Chemodanov I.V. Sel'skoe hozjajstvo Vjatskogo regiona v pervye gody massovoj kollektivizacii (1929—1934 gg.) [Agriculture of the Vyatka Region in the First Years of Mass Collectivization (1929—1934)]. *Vestnik Vjatskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2016, no. 6, pp. 55—69. (In Russ.)
27. Shestak O.I. Social'no-jekonomicheskie i politicheskie processy v razvitii dal'nevostochnoj derevni v 1922 — konce 1930-h godov [Socio-Economic and Political Processes in the Development of the Far Eastern Village in 1922 — late 1930^s]. *Territorija novyh vozmozhnostej. Vestnik VGUES*, 2015, no. 3 (30), pp. 92—119. (In Russ.)
28. Shishko N.P. *Bor'ba dal'nevostochnoj kraevoj partijnoj organizacii za pobedu linii partii na sploshnuju kollektivizaciju i ukreplenie kolhoznoho stroja (1929—1934 gg.)*. Dis. kand. ist. nauk. [The Struggle of the Far Eastern Regional Party Organization for the Victory of the Party Line for the Complete Collectivization and Strengthening of the Collective Farm System (1929—1934). PhD in History]. Tomsk, 1965, 381 p. (In Russ.)